

После десяти сезонов в Главной лиге бейсбола, став ценнейшим игроком лиги и войдя в Зал славы, Чхве Тхэ Хи из-за травмы завершил карьеру на самом пике. Под громкие аплодисменты и вздохи сожаления он покинул Америку, а затем, приняв приглашение друга, вернулся в Корею, чтобы стать тренером профессиональной бейсбольной команды Самсунг.

Надев бейсболку и черную маску, закрывающую большую часть лица, Чхве Тхэ Хи ускользнул от репортеров, поджидавших его в аэропорту, и сел в машину отца, который приехал его встретить.

Небо было хмурым, время от времени пролетал мелкий снег. Далекие горы укрылись белоснежным покровом, отчетливо выделяясь на горизонте. Чхве Тхэ Хи бросил взгляд на знакомый сеульский пейзаж за окном, а затем перевел глаза на сосредоточенного отца:

— Пап, а почему мама не приехала с тобой?

Отец улыбнулся:

— Мама дома, готовит тебе вкусный ужин. Долгий перелет, наверное, совсем тебя измотал? Поспи немного, я разбужу, когда приедем. Кстати, ты ведь теперь вернешься насовсем?

— Да, я больше никуда не уеду, — Чхве Тхэ Хи посмотрел на отцовские виски, цветом напоминавшие падающий за окном снег, и его глаза слегка защипало.

Услышав это, отец улыбнулся так широко, что у уголков глаз и губ пролегли глубокие морщины:

— Вот и хорошо. Закрывай глаза и спи. Тхэ Хи, ты в зеркало-то не смотрел, глаза уже красные, как у кролика.

Чхве Тхэ Хи улыбнулся в ответ:

— Тогда я вздремну, а ты разбуди меня, как будем на месте.

Разница во времени между Кореей и Америкой составляет пятнадцать часов. Чхве Тхэ Хи показалось, что он приземлился из одной темной ночи в другую, и границы времени постепенно начали размываться. Когда они приехали домой, стол уже ломился от угощений, а аромат корейского супа с говядиной так и манил. Чхве Тхэ Хи, улыбаясь, обнял мать, чьи глаза светились от радости и слез, и тихо проговорил:

— Мам, я вернулся.

Встреча с близкими всегда трогательна. Чхве Тхэ Хи под любящими взглядами родителей ел до тех пор, пока в желудке не появилось чувство тяжести. За столом он выпил с отцом несколько рюмок соджу, и под воздействием алкоголя и накопившейся усталости незаметно для себя уснул, сжимая в руках палочки.

Во сне он увидел брата, Цуй Чэнши, который умер много лет назад. Лица его он не разглядел — во сне брат лишь удалялся, повернувшись спиной. Тхэ Хи изо всех сил бежал следом, от отчаяния и тревоги на глаза наворачивались слезы, но догнать его не удавалось. Он мог лишь беспомощно смотреть, как расстояние между ними увеличивается, пока брат не исчез совсем:

— Брат!

Чхве Тхэ Хи резко проснулся.

Крик, вырвавшийся из его горла, заставил родителей замолчать. В их глазах отразилась тяжелая печаль; радость от возвращения младшего сына исчезла, словно утренний луч солнца. Невыносимая боль от потери ребенка вновь превратила их в несчастных стариков с израненными душами.

— ...Пап, мам, я что-то устал. Пойду посплю, вы тоже отдыхайте, — Чхве Тхэ Хи притворился, что зевает, развернулся и поднялся на второй этаж.

Его комната находилась в самом конце коридора, мимо спальни брата. Повинуясь какому-то наитию, он толкнул дверь в комнату Цуй Чэнши, который был мертв уже десять лет.

Внутри не пахло затхлостью — запах освежителя воздуха придавал пространству хоть какую-то жизнь. Подоконник был вытерт до блеска, вся мебель и утварь скрыты под белыми чехлами, готовые в любой момент предстать в том же виде, что и десять лет назад. Время в этой комнате замерло в ожидании: казалось, если не убирать вещи, хозяин однажды вернется.

Эта комната была воплощением глубокой скорби родителей. Тхэ Хи знал, что они до сих пор не смогли смириться с уходом брата.

На следующий день снег прекратился, небо прояснилось. Подписав контракт с бейсбольной командой, Чхве Тхэ Хи в одиночку поехал в колумбарий в районе Соннам, где хранился прах брата. Здание выглядело совсем не как место упокоения: белое, круглое, внутри напоминающее библиотеку, где даже урны для праха были выполнены в форме книг.

Рядом с урной стояла лишь цветная фотография, да небольшая коробочка с личными вещами. Чхве Тхэ Хи смотрел на лицо, которое было почти точной копией его собственного, и размышлял о вчерашнем сне. Почему брат во сне снова ушел от него?

Тхэ Хи не мог понять смысла этого видения.

Время летело незаметно, пока его мысли не прервал чистый, удивленный голос:

— Чхве Тхэ Хи?

Он обернулся. Перед ним стоял человек в дорогом коричневом костюме. Стройный, с тонкими

чертами лица, он почти не изменился, оставаясь таким же молодым и красивым, лишь в облике появилось больше солидности. Это был Лю Дэхуа, которого Цуй Чэнши десять лет назад спас ценой своей жизни.

— Почему молчишь? — Лю Дэхуа слегка улыбнулся. — Мы не виделись почти десять лет, ты уже не помнишь меня?

Когда Лю Дэхуа улыбался, его длинные густые ресницы, похожие на крылья бабочки, слегка подрагивали. Чхве Тхэ Хи почувствовал головокружение и выпалил:

— Я помню вас. — Увидев, что улыбка Дэхуа стала искреннее, он тоже улыбнулся: — Брат Дэхуа, я вас помню.

Под его внимательным взглядом Тхэ Хи смущенно коснулся уха:

— Сегодня не день его памяти, почему вы здесь?

Лю Дэхуа на мгновение замолчал, затем едва заметно улыбнулся:

— Меня повысили до руководителя группы, пришел рассказать ему.

— Правда? — глаза Чхве Тхэ Хи просияли. — Как здорово, поздравляю с повышением!

Улыбка Тхэ Хи была чистой и светлой, как весеннее солнце. Но Лю Дэхуа при виде этого лица вспоминал лишь грохот столкновения, кровь и смерть. Ему на мгновение показалось, что с улыбающегося лица течет алая кровь, просачиваясь в его собственные глаза и кожу, а от объятий веет могильным холодом.

— Брат Дэхуа? — позвал Тхэ Хи. Видя, что тот смотрит сквозь него, он повысил голос: — Брат Дэхуа, о чем вы думаете?

Лю Дэхуа очнулся. Ему было невыносимо смотреть на того, кто был так похож на Цуй Чэнши. Поблуднев, он бросил: — Ни о чем, до свидания, — и поспешно ушел.

Чхве Тхэ Хи хотел догнать его, но не знал, что сказать. Он понимал: Дэхуа смотрел на него, видя другого. И хотя Тхэ Хи не был чувствителен к чужим взглядам, он ясно ощущал тоску и печаль в глазах Лю Дэхуа. Он понимал, что тот не нарочно ищет в нем черты брата, но на душе все равно было пусто.

Работа закрутила его в зимней суете. Тхэ Хи пропадал на тренировках, не имея времени даже подумать о тайной надежде, возникшей после встречи с Дэхуа.

Больше месяца они не виделись. У Тхэ Хи не было контактов Дэхуа, их круги общения не пересекались.

Он понимал, что не стоит питать иллюзий, но тело не слушалось разума: в свободное время он сам собой оказывался в колумбарии, словно блуждая в полузабытьи.

Накануне годовщины смерти брата Тхэ Хи случайно встретил Лю Дэхуа в баре друга. Тот сидел в самом темном углу, прикрыв глаза, и пил бокал за бокалом. Тусклый свет делал его силуэт призрачным, словно он был частью сна.

Чхве Тхэ Хи молча наблюдал, как Дэхуа пьет. Тот осушал бокал за бокалом, без выражения на лице, лишь с ярко-красными от алкоголя щеками. В груди Тхэ Хи заныло от боли.

— Брат Дэхуа, вы слишком много пьете! Это же вредно, заработаете язву! — выпалил Тхэ Хи и тут же осознал, что его тон звучит как упрек. Слишком дерзко.

Лю Дэхуа, захмелев, не обиделся, а лишь улыбнулся, глядя на него снизу вверх:

— Ты чего здесь? Давно не виделись.

Его глаза блестели от влаги, губы покраснели, и он выглядел так красиво, словно распускающаяся роза. Сердце Чхве Тхэ Хи пропустило удар.

— Я же сказал, давно не виделись, чего молчишь? — спросил Дэхуа, наклонив голову.

— О-о, — Тхэ Хи покраснел, уши загорелись. Он смущенно улыбнулся: — Давно не виделись.

— Вот именно. Я очень рад тебя видеть, — глаза Дэхуа светились чистой, детской радостью.

Неужели он действительно так рад? Вопрос промелькнул в голове Тхэ Хи, и его улыбка погасла. Он опустил глаза и прикусил губу:

— Брат Дэхуа, вы знаете, кто я?

Лю Дэхуа кивнул, коснувшись пальцем уголка глаза:

— Конечно, ты Чхве Тхэ Хи. Я не пьян, не перепутаю.

— Вот как, — прошептал Тхэ Хи, едва слышно добавив: — Ну и хорошо.

Лю Дэхуа моргнул и вдруг спросил:

— А ты видишь его во сне?

Было ясно, о ком речь. Тхэ Хи сел рядом:

— Редко. В последний раз — в день возвращения. Он лишь мелькнул и ушел, повернувшись спиной. Как бы я ни звал, он не останавливался, а потом просто исчез.

Лю Дэхуа сделал глоток и тихо произнес:

— Он уходит. — Он поднялся, улыбнувшись, чтобы скрыть грусть: — Поздно уже, мне пора. Прощай.

На этот раз Тхэ Хи вскочил следом:

— Брат Дэхуа, я вас подвезу. Я не пил.

На улице было темно и холодно, валил густой снег. Лю Дэхуа посмотрел на хлопья и прошептал:

— Почему я ни разу не вижу его во сне?

Тхэ Хи не знал, что ответить:

— Вы в порядке?

— Я в порядке, — сказал Дэхуа, но голова его поникла. На ресницы упала снежинка, похожая на лепесток сакуры, и медленно растаяла, как слеза. Сердце Тхэ Хи пронзила острая боль.

— Вы точно в порядке? — снова спросил он.

Лю Дэхуа опустил голову еще ниже:

— Я в порядке.

Тхэ Хи подошел ближе, сжимая кулаки:

— Лю Дэхуа, ты действительно в порядке?

Дэхуа поднял взгляд и рассмеялся, глядя в покрасневшие глаза Тхэ Хи:

— Что за дела? Ты что, в фильме снимаешься?

Он смеялся громко и искренне, а по щекам текли слезы, смешанные с талым снегом. В его глазах, чистых, как у младенца, читалось все, что он пытался скрыть. Чхве Тхэ Хи тоже рассмеялся и снова спросил:

— Лю Дэхуа, ты правда в порядке?

— Я правда в порядке! — громко ответил Лю Дэхуа.

Будущее было далеко, но сейчас он был так близко, что Тхэ Хи видел каждую искорку в его темных, влажных глазах.

Когда Лю Дэхуа повернулся и зашагал в снежную ночь, Чхве Тхэ Хи вытер слезы, заливавшие лицо, и крикнул:

— Брат Дэхуа, подожди меня!

И побежал следом.

<http://bllate.org/book/20953/2124458>